

Анатолий Терещенко

КАК СМЕРШ СПАС МОСКВУ

М
И
Р

Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко
Как СМЕРШ спас Москву

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Терещенко А. С.

Как СМЕРШ спас Москву / А. С. Терещенко — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2013 — (Мир шпионажа)

ISBN 978-5-6048208-1-0

Эту книгу автор посвятил памяти своих коллег – военных контрразведчиков старшего поколения, делая особый акцент на проведении острых чекистских операций, в том числе и сотрудниками военной контрразведки, лихорадочно меняющей названия перед войной – 3-е Управление НКО СССР, 3-й Отдел НКВД СССР, Управление особых отделов НКВД СССР, ГУКР Смерш НКО СССР, и ее органов на местах. В частности, в дивизиях, армиях и на фронтах в борьбе с глобальным гитлеровским планом «Тайфун» по захвату и уничтожению Москвы группой армий «Центр» и его разветвленными очагами тайной войны, порожденной абвером и имперской службой безопасности – РСХА. Но главное – меняющиеся названия органов военной контрразведки не меняли их сути, поэтому они вошли в историю борьбы с нацизмом под хлестким и победоносным названием – Смерш. Книга предназначена для широкого круга читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6048208-1-0

© Терещенко А. С., 2013

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2013

Содержание

Предисловие	6
Накануне	9
Начало военного лихолетья	13
Михеев и его поступок	17
Новый начальник ВКР	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Терещенко

Как Смерш спас Москву

© Терещенко А., 2022

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2022

* * *

Предисловие

Военная контрразведка в войну – это прежде всего Смерш...
Генерал-лейтенант Н. И. Железников

Претенциозное название книги «Как Смерш спас Москву» совсем не аллегорично. Да, название военной контрразведки – Смерш появилось в апреле 1943 года, но, по сути, до этого временного рубежа на незримых фронтах действовали оперативники из различных подразделений с меняющимися вывесками, однако сущность работы особистов, или смершевцев, оставалась неизменной – защита армии от воздействия негативных факторов. Недаром говорится: без разведки армия слепа, без контрразведки – беззащитна.

История военной контрразведки имеет свою предысторию. Было бы ошибочно считать, что созданный в мае и действовавший до сентября 1918 года Всероглавлштаб как орган военной контрразведки молодой Советской России возник на пустом месте.

Реально же появившаяся более трех столетий назад регулярная российская армия остро нуждалась в защите от вражеских лазутчиков, возможных перебежчиков и предателей, а также в проведении специалистами дезинформации противника. Но, к сожалению, такого органа в армии не было. И только перед Отечественной войной 1812 года на основе подготовленного думающими людьми документа – «Учреждение для управления Большой действующей армией» была создана Высшая воинская полиция. Ей были поставлены определенные задачи: ведение разведки, поиск лазутчиков (контршпионаж) и выполнение чисто полицейских функций.

Высшая воинская полиция была подчинена начальнику Главного штаба 1-й Западной армии, а непосредственно ею руководил чиновник военного ведомства Яков Иванович де Санглен, сын французского эмигранта, впоследствии действительный статский советник в ранге генерал-майора.

История развития дореволюционной военной контрразведки не входит в план повествования этой книги, поэтому просто приведу редко встречающийся перечень этапов развития военной контрразведки за время существования РСФСР и СССР:

- Всероссийский главный штаб – май – сентябрь 1918 года;
- Отдел контрразведки завесы Высшего военного совета – март – сентябрь 1918 года;
- Отделение Военного контроля Оперативного отдела (Оперода) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена) – май – сентябрь 1918 года;
- Отдел Военного контроля Оперативного отдела (Оперода) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена) – сентябрь – ноябрь 1918 года;
- Отдел Военного контроля (1-й отдел, Отвоенкон) Регистрационного управления Полевого штаба РВСР – ноябрь – декабрь 1918 года;
- Военный отдел ВЧК;
- Особый отдел ВЧК;
- Особый отдел СОУ ГПУ;
- Особый отдел ОГПУ;
- 4-е отделение Особого отдела ОГПУ;
- Особый отдел ГУГБ НКВД СССР – июль 1934-го – декабрь 1936 года;
- 5-й (особый) отдел ГУГБ – декабрь 1936-го – июнь 1938 года;
- 2-е Управление НКВД СССР – июнь 1938-го – сентябрь 1938 года;
- 4-й (особый) отдел ГУГБ – сентябрь 1938-го – февраль 1941 года;

3-е Управление НКО СССР – февраль 1941-го – июль 1941 года;
3-е Управление НКВМФ – февраль 1941-го – январь 1942 года;
3-й отдел НКВД СССР – февраль 1941-го – июль 1941 года;
Управление особых отделов НКВД СССР – июль 1941-го – апрель 1943 года;
Главное управление контрразведки Смерш НКО – апрель 1943 года;
Главное управление контрразведки Смерш НКВС – март 1946 года;
Главное управление контрразведки МВС СССР – март – май 1946 года;
Управление контрразведки Смерш НКВМФ – апрель 1943-го – май 1946 года;
Отдел контрразведки Смерш НКВД СССР – апрель 1943-го – май 1946 года;
3-е Главное управление МНБ СССР – май 1946-го – март 1953 года;
3-е Управление МВД СССР – март 1953-го – март 1954 года;
3-е Главное управление КГБ при СМ СССР – март 1954 года;
3-е Управление КГБ при СМ СССР;
3-е Управление КГБ СССР;
3-е Главное управление КГБ СССР;
Главное управление военной контрразведки МСБ РФ;
Управление военной контрразведки (УВКР) МБ РФ;
Управление военной контрразведки (УВКР) ФСК РФ;
Управление военной контрразведки (УВКР) ФСБ РФ;
Управление военной контрразведки (УВКР)
Департамента контрразведки (ДКР) ФСБ РФ;
Управление военной контрразведки (УВКР) ФСБ РФ;
Департамент военной контрразведки (ДВКР) ФСБ РФ.

Чувствуете, как ломали через колено военную контрразведку и советские, и российские политиканы, приспособивая ее под себя? Кажется, сейчас успокоились. Будем надеяться, что надолго. Стабильность и спокойствие нужны в любом государстве, тем более в таком многонациональном, многоконфессиональном, как теперешнее наше, определившее, что оно является правопреемником великого Советского Союза.

Газета «Правда» 20 декабря 1947 г. писала, что «энергичная работа органов военной контрразведки оказала большую помощь нашей героической Советской армии в ее бессмертных подвигах по сокрушению и разгрому гитлеровских полчищ».

Во время учебы в Высшей школе КГБ СССР автору запомнились слова, сказанные начальником ее 1-го факультета, уважаемым всеми нами генерал-лейтенантом Николаем Ивановичем Железниковым о том, что военная контрразведка в годы войны, от начала и до конца, 1418 тяжелейших для страны дней – это прежде всего Смерш.

Шпионская стратегия фашизма потерпела полный крах, и его агентура оказалась бес- сильной осуществить планы своих хозяев. Пик проверки боеготовности нашей военной контр- разведки пришелся на 1941 год – в Битве за Москву. Именно здесь армейскими чекистами был сдан первый тяжелый экзамен на зрелость в борьбе с таким опытным противником, как спецслужбы Третьего рейха. Так, в ходе исторической Битвы под Москвой военные контрраз- ведчики в зонах боевых действий и в тылу войск Западного фронта обезвредили свыше 200 агентов и более 50 диверсионно-разведывательных групп противника. Всего же на Западном фронте в 1941 году армейские чекисты и войска НКВД по охране тыла задержали и разобла- чили свыше тысячи фашистских агентов.

А ведь за каждым из таких лазутчиков, осуществи они свои планы, тянулся бы шлейф в десятки тысяч смертей наших воинов и мирного населения, а также сотни взорванных арсеналов, коммуникаций, железнодорожных составов с оружием и боеприпасами.

Накануне

Новый, 1941 год советские партийные чиновники, крепко державшие власть в своих руках, встречали в Кремле. Банкет проходил шумно, с безудержным весельем. Для потехи вождам деятельный Лаврентий Берия пригласил воспитанниц хореографического училища Большого театра, студенток театральных училищ, молодых актрис кино и цирка. От деликатесов и грузинских вин ломились столы. Беспечные гульки были в самом разгаре. У захмелевших хозяев и гостей развязывались языки, кружились головы, ноги просились в пляс.

За столами стоял сплошной гул, прекратившийся сразу же, как только со стула медленно поднялся Сталин. Он произнес небольшой тост за мир и дружбу, за плодотворный труд советских людей, за производственные успехи...

После этого он чокнулся с немецким послом графом фон Шуленбургом. Рядом с Иосифом Виссарионовичем неотлучно, словно сторожа или охранники, находились круглолицый с маленькими глазками и темной копной зачесанных с пробором назад волос Маленков и лысый, с головой, похожей на бильярдный шар, и глазами навывкате Поскребышев.

К соседнему столу, за которым сидели молоденькие артистки и танцовщицы, подошел захмелевший Лаврентий Павлович. Поблескивая овальными стеклами пенсне, с доброй улыбкой спросил:

– Девочки, почему вы так скучны? И бутылки стоят закрытые, некому поухаживать? Что случилось? Где же, где же кавалеры? Куда подевались настоящие мужчины?

Артисткам, тем более молодым, редко когда приходилось встречаться так близко с небожителями. Засмущались молодые дарования, зарумянились у них щеки, сузились глазки в улыбках – как-никак, перед ними народный комиссар внутренних дел Берия, портреты которого в тяжелых рамках на фанерных щитах не раз приходилось таскать на демонстрациях и стоять с ними на митингах.

– Какие проблемы беспокоят вас? – Он обвел гостей чувственным взглядом больших глаз, прикрытых стеклами очков. – Говорите, дамы, не стесняйтесь. Помогу...

У служительниц Терпсихоры проблем и забот, конечно же, был полон рот – прописка близкого человека, приобретение квартиры, установка телефона, выезд за границу на гастроли и прочее и прочее. Захлопали пробки бутылок, полились грузинское вино и «Советское шампанское». И вот уже девочки стали смелеть, больше улыбаться и строить глазки великовозрастным чиновникам, почувствовавшим себя рысаками, словно заявлявшим всем своим видом – мы еще можем взбрыкнуть!

То и дело подходили к артистическому столу то брюхатые, то худосочные мужики – все от верховной власти, чтобы чокнуться рюмкой или фужером с понравившимися девицами...

Сталин какое-то время после произнесенного тоста сидел отрешенный. Он даже не был сконфужен поведением своего любимца – наркома внутренних дел, выпавшего из колоды своих кремлевских оруженосцев, хотя поначалу хотелось его одернуть. Вождь это умел делать грубо и беспардонно и практиковал такие окрики на банкетах в отношении тех, кого заносило во хмелю. Но тут сдержался. У него в голове произошло переключение от праздничного созерцания к другой реальности. Сталина вдруг пронзила, словно стрела, горячая мысль о судьбе страны, а поэтому он, придав иное направление своим думам, на мгновение отключился от застолья.

«Вот пляшут они все, совсем как черти, мои помощники и соратники, словно не понимают, что завтра таких банкетов может и не быть...»

Гитлер обманет меня, верить ему нельзя, но провоцировать его тоже опасно. Может, он действительно проводит отвлекающие маневры, чтобы

всей мощью обрушиться на британцев, которые у него, как кость в горле. Ведь, по существу, затянувшаяся война с Лондоном – это его мировой позор...»

Ход дальнейших размышлений прервали хохот и рукоплескание в такт музыке – в пляс пустился прилично захмелевший первый кавалерист Страны Советов Семен Буденный...

* * *

До начала войны оставалось полгода. Время летело быстро. Холодную зиму начала сороковых-роковых сменила весна. После Первомайских праздников Сталин решил встретиться с военными.

5 мая 1941 года в Кремле был устроен прием для выпускников военных академий, перед которыми выступил И. В. Сталин. На сей раз он решил соригинальничать – довести до будущих командиров полков и дивизий свежую разведывательную информацию о секретном обращении Гитлера к немецкому офицерскому корпусу.

За основу своего выступления советский лидер взял сообщение источника берлинской резидентуры «Старшины». В своей шифровке наш негласный помощник информировал о том, что 29 апреля 1941 года фюрер в речи тоже перед офицерами-выпускниками, хвастаясь достижениями, в конце откровенно заявил о своих агрессивных планах:

«...Я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок, добился огромного роста производства во всех сферах нашей национальной экономики...

Мне удалось опять вернуть к полезному труду все семь миллионов безработных, участь которых так волновала нас всех...

Я объединил немецкий народ не только в политическом отношении, но и укрепил его военный потенциал, далее я стремился аннулировать страницу за страницей тот договор, который в своих 448 статьях содержит самое гнусное насилие, которое когда-либо совершалось над народом и людьми. Я вернул рейху грабительски отнятые у нас в 1919 году провинции, вернул в состав родины миллионы оторванных от нас, глубоко несчастных немцев, восстановил тысячелетнее историческое единство немецкого жизненного пространства...»

А дальше он выскажется еще более определенно:

«В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».

Понятно было, кого Гитлер подразумевал под «красной чернью». Со всей очевидностью можно констатировать, что в Третьем рейхе, в частности, в немецких войсках, шла интенсивная идеологическая подготовка похода на Восток. Эта речь была одной из очевидных вех развития европейского кризиса. Именно она переводила стрелки на войну, хотя по опробованной не раз схеме она была полна заверений в миролюбии и хранила молчание о всех подлинных намерениях.

Но Сталин воспринял эту информацию о выступлении Гитлера как выпад в сторону Советского Союза, хотя откровенных нападок, изображающих Москву сатанинской силой, не было. Основной «пороховой бочкой» в Европе он называл Англию.

И все же Сталин высказался определенно:

«Война с Гитлером неизбежна, и если Молотов и его аппарат Наркомата иностранных дел сумеют оттянуть начало войны на два-три месяца – это наше счастье».

В этих словах руководителя СССР была истина. Если бы нам удалось избежать летнего столкновения 1941 года, то осенью Гитлер не решился бы напасть на Россию. Во-первых, запротестовали бы генералы, понимающие, что воевать в условиях осеннего бездорожья, холодной и заснеженной зимы и весенней распутицы равносильно самоубийству. Во-вторых, Красная армия могла бы лучше подготовиться к отражению противника и встретить врага достойно. И в-третьих, войну нужно было бы откладывать на следующий год... Но Провидение его торопило.

Несмотря на прямолинейные слова, брошенные выпускникам военных академий в Кремле, позиция Сталина по отношению к намерениям Гитлера носила противоречивый характер. Однако многочисленные данные, поступающие от нашей агентуры, свидетельствовали, что подготовка Германии, Италии, Финляндии, Венгрии и Румынии приобрела уже необратимый характер. Ничто не могло остановить сползающую с крутой горы броневую машину рейха, тем более с советским МИДом, с которым Германия перестала считаться. Это четко уловил в свой последний визит в Берлин Вячеслав Молотов.

15 июня Г. К. Жуков и С. К. Тимошенко обратились к Сталину с просьбой дать санкцию на приведение войск в боевую готовность. При этом Тимошенко заявил:

– Мы не можем организованно встретить и отразить натиск немецких войск, ведь вам известно, что переброска войск к нашим границам при существующем положении на железных дорогах до крайности затруднена.

– Вы что же, предлагаете провести мобилизацию, сейчас поднять наши войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?! – Сталин, зло сверкнув глазами, обвел их холодным взглядом.

– Но немецкое руководство, имея под ружьем двадцать возрастных категорий, провело дополнительную мобилизацию, а Румыния и Финляндия провели всеобщую военную мобилизацию, – снова, набравшись смелости, констатировал Тимошенко. Жуков молчал, не желая вступать в диалог на столь острую тему.

– Сколько дивизий у нас расположено в Прибалтийском, Западном, Киевском и Одесском округах? – неожиданно спросил Сталин.

Жуков стал перечислять, что по состоянию на 1 июля 1941 года – 149 дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада.

– Ну вот, разве этого мало? Немцы, по нашим данным, не имеют такого количества войск, – заявил хозяин Кремля.

На эту неправду вождя, к сожалению, не среагировали два полководца, прекрасно знавших, что немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имелось от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии, даже 8-тысячного состава, практически в два раза слабее немецких.

– Но, товарищ Сталин, разведка... – не успел договорить Тимошенко, как вождь его оборвал:

– Не во всем можно верить разведке...

Тимошенко и Жуков после этого замолчали, уныло потупив головы.

– С Германией у нас договор о ненападении. Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз – это не Польша, это не Франция, это даже не Англия и не все они, вместе взятые, – посветлел Сталин...

* * *

Многие современники задают вопрос, почему Сталин, имея многочисленные данные о злокозненных намерениях фюрера против Советской страны, не отдал приказ о приведении войск в боевую готовность. Думаю, ларчик недопонимания откроется достаточно легко, если мы ознакомимся с последним письмом Гитлера, адресованным Сталину. Вот его текст:

«Уважаемый господин Сталин, я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства...

Примерно 15–20 июня я планирую начать массовую переброску войск на Запад с Вашей границы...

Если же провокации... не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали. Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном нам вопросе, и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер,

14 мая 1941 года»

В этом письме и кроется ответ, почему Сталин так резко изменил свою позицию, не разрешив привести войска в боевую готовность.

Начало военного лихолетья

Диктор московского радио Юрий Левитан взволнованно сообщил 22 июня 1941 года:

«Сегодня в 4 часа утра посол Германии в СССР граф фон Шуленбург вручил заместителю председателя Совета народных комиссаров товарищу Молотову гитлеровскую декларацию об объявлении войны...»

А спустя неделю, 29 июня, вышла совместная директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков». В ней, в частности, говорилось:

«В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия!»

Это был призыв, нет, скорее крик отчаяния растерявшейся поначалу власти.

На следующий день, 30 июня 1941 года, создается ГКО – Государственный комитет обороны во главе со Сталиным, который в этот период чувствовал себя неважно, к недопомоганию прибавилась тоска по утраченным иллюзиям о мире с Германией. Но к его чести, он скоро собрался – растерянность пропала, улетучилась без следа, сжигаемая холодной логикой ума.

Ему принесли текст отпечатанного обращения к советскому народу. Он пробежал глазами по листам, потом отвел взгляд и задумался:

«Откликнется ли народ на мой призыв? Много крови пролили мои паладины. Да, пушки – последний довод королей. Но без этой крови в Кремле сидел бы другой – Лев Троцкий. Добра России он бы не принес. А я был бы уничтожен вместе с моими соратниками. 22 июня... Наполеон тоже напал в это время. В 1812 году так же россияне отступали, даже отдали неприятелю Москву – но победили. Неужели на этот раз мы проиграем?! Не должны...»

Уже на четвертый день войны 140 слушателей контрразведывательного отдела ВШ НКВД были откомандированы в специальный отряд при Особой группе НКВД. 27 июня отряд пополнился 156 слушателями курсов усовершенствования руководящего состава школы, а 17 июля – 148 слушателями литовского, латвийского, польского, чехословацкого и румынского отделений курсов. А через несколько дней войска Особой группы НКВД СССР были переформированы в две Отдельные мотострелковые бригады особого назначения (ОМСБОН): первую возглавил полковник М. Ф. Орлов, вторую – Н. Е. Рохлин. Бригады состояли из полков, батальонов, отрядов...

Начальник военной контрразведки Анатолий Николаевич Михеев знал о готовящемся обращении. Сидя в кабинете, он перечитывал донесения и шифровки. Приглушенно работало радио. И вот диктор сообщил, что сейчас будет передано важное правительственное сообщение.

«Наверное, Иосиф Виссарионович будет выступать», – подумал Михеев, и диктор, словно в подтверждение, произнес: «Выступление товарища Сталина!»

3 июля 1941 года оно начиналось с обращения:

*«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской
Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается...»*

Вождь в своем обращении дал краткий анализ причин первых неудач, объяснил значение пакта о ненападении, указал на степень и глубину опасности агрессии, призвал к немедленной перестройке всей работы в стране на военный лад.

Далее он повторил кусок текста из совместной директивы от 29 июня, упомянутой выше, о необходимости организации всенародного отпора захватчикам.

*«...В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды,
конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями
вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для
взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов,
складов, обозов...»*

Конец своего выступления он отметил призывами:

*«Все силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего
славного Красного Флота!
Все силы народа – на разгром врага!
Вперед, за нашу победу!»*

Война нагрянула внезапно, вероломно, хотя ее ждали и боялись как наверху – власть, так и внизу – народ. Люди еще на что-то надеялись, скорее на силу своей родной непобедимой армии, какой она показывалась в кино, на газетных полосах и страницах книг и брошюр. И вот для партийных чиновников свершилось то страшное, чего они боялись, что не желали приблизить или спугнуть разного рода провокациями.

22 июня 1941 года, заранее сосредоточившись у наших границ, 170 вышколенных дивизий немецко-фашистских войск, оснащенных первоклассной техникой, тремя группами армий: «Север», «Центр» и «Юг», словно огромными клешнями бронированного монстра, двинулись на Восток – к Ленинграду, Москве и Киеву, чтобы уничтожить и потопить в крови советский народ.

Это был очередной поход на нас элитного отряда новых крестоносцев. Кто бы что ни говорил из числа всякого рода полусумасшедших правдорубов и недобросовестных историков, журналистов и писателей, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз было, есть и останется – *вероломным*.

Есть множество архивных документов, которые подтверждают, что Гитлер тщательно и умно готовился к нападению на Советскую Россию, и это неоспоримый факт. Но документальных данных о том, что Сталин собирался напасть на Германию, – нет ни одного, как бы предатель, «писатель» с чужим пером, несостоявшийся из-за трусости в характере и непростительной ошибки кадровиков военный разведчик – Резун-Суворов из Лондона ни квакал, доказывая обратное.

А еще исторический факт то, что война принесла нашей стране масштабные разрушения в экономике и огромные человеческие жертвы. И самые большие потери приходились на первые месяцы войны.

Интересно читать мудреные выводы современных либеральных «историков» и «спецов» по военной тематике, ни дня не служивших в армии, которые, перечислив все недостатки и причины неподготовленности к войне Красной армии, ее технической отсталости и духовной убогости личного состава, завершают свои бумагомарания убийственным тезисом, что, мол, немцы дошли до Москвы за четыре месяца, а мы до их столицы шли более четырех лет. Это тоже неоспоримый факт, но он подтверждает совершенно другое – а именно то, какая мощь, какая силища, какие броневые мускулы чужестранцев на нас обрушились в июне 1941-го. А «колосс на глиняных ногах», как называл нас тогда Гитлер, на удивление всему миру, наперекор врагу – *выстоял*.

Можно написать еще горы томов о нашей расхлябанности, лености, неорганизованности, ментальности с надеждой на «авось» и просто глупости, что и проявилось в 1941 году. И все это будет чистейшая правда. Россия, по-моему, единственная страна, обладающая странным феноменом – даже физически победив в любых войнах, мы часто проигрываем в морально-духовном и житейском плане, что относится и к нынешним временам. И причин этому много, и не потому, что к законам в России всегда относятся с подозрением. А потому, что достаточно одного глупого закона, чтобы у человека возникло недоверие к нему со смешком в душе или фигой в кармане.

Еще бывший депутат царской Думы В. Шульгин в своих воспоминаниях утверждал, что русский человек не бездарный: «нас только придавить хорошенько надо, чтобы мы пищали». И мы встаем с колен, отряхиваемся и консолидируемся в бетонную стену. С этим практически согласен и наш современник философ А. Зиновьев, считавший, что если бы в начале войны мы не потерпели такого жесткого поражения, нас не разозлили бы как следует, мы бы Отечественную войну не выиграли.

Примеров много. Один из характерных – в спорте. На чемпионате мира по хоккею в 2010 году молодежная сборная России проигрывала сборной Канады со счетом 0:3, а в третьем периоде довела счет до 5:3 и победила. Да еще играя на чужом поле!!! Это вовсе не причудливый фантом, а сущностный феномен, свидетельствующий, что мы умеем драться до последнего патрона.

Но вот еще, что интересно, – это роль и соотношение тоталитаризма и демократии в войнах. В Первой мировой войне две единоличные формы правления – германская и русская монархии – в разных условиях и с разными предпосылками обескровили друг друга, и демократиям оставалось только одно: добить уже побежденного.

Во Второй мировой войне две иные формы правления, но тоже единоличного – диктатура Гитлера и тоталитаризм Сталина – решили исход войны. Начало войны, особенно в Европе, было за Гитлером. А в финале ее победителем стал Сталин. Открытие второго фронта оттягивалось для того момента, когда у германской армии уже не хватало даже ружейных патронов. Союзники ждали полного обескровливания как Германии, так и Советского Союза. Они бы добились и того, и другого, если бы ситуация выкраивалась по лекалам Первой мировой войны.

Польская демократия с ее армией была разгромлена за неполные две недели, демократия Чехии сдалась без единого выстрела, такая же демократическая власть Франции пала после нескольких выстрелов. Более мелкие демократии не воевали вообще. Единственным боеспособным исключением оказалось Великое княжество Финляндское – под командованием русского генерала К. Маннергейма.

Привожу эти сведения для такого размышления: чтобы нация могла создать что-то ценное и могла достойно обороняться и наступать, нужна устойчивость власти, закона, традиций и хозяйственно-социального строя. Если нет этой устойчивости – невозможны творчество, труд, обороноспособность.

Итак, война началась, но без Сталина члены правительства ничего не стоили. Никто из них не хотел ответственности и боялся брать на себя решение сложных вопросов. Вчерашние

орлы были без крыльев. Им казалось, что только он – единственный – крепко держит штурвал корабля, наполовину затопленного водой.

Правительство, аппарат ЦК ВКП(б), Генеральный штаб перебазировались в подвалы Московского метрополитена. Ставка Верховного главнокомандования обживала помещения одной из самых глубоких в то время станций – «Кировской»...

В разных книгах, как писал П. Судоплатов, возглавлявший советскую разведку по линии НКВД, *«...в частности, в мемуарах Хрущева говорится об охватившей Сталина панике в первые дни войны. Со своей стороны, могу сказать, что я не наблюдал ничего подобного. Сталин не укрывался на своей даче. Опубликованные записи кремлевского журнала посетителей показывают, что он регулярно принимал людей и непосредственно следил за ухудшающейся с каждым днем ситуацией.*

С самого начала войны Сталин принимал у себя в Кремле Берия и Меркулова два или три раза в день. Обычно они возвращались в НКВД поздно вечером, а иногда передавали свои приказы непосредственно из Кремля.

Мне казалось, что механизм управления и контроля за исполнением приказов работал без всяких сбоев».

Это сказал человек, который за правду, мужество, преданность профессии отсидел по воле нового хозяина Кремля целых пятнадцать лет, от звонка до звонка, и не ожесточился.

Михеев и его поступок

Чем больше времени проходит с той страшной поры 1941 года, тем труднее представить, чего стоила победа, в том числе и на полях тайной войны с противником. Прямо надо сказать – враг, коварный и сильный, застал Красную армию в процессе преобразований и перевооружения. После жесткой чистки командного состава по инициативе политиков подготовка офицерского состава была не завершена.

То же самое происходило и с органами государственной безопасности. Разгромленные в ходе репрессий военная и политическая разведки только начали восстанавливать свои зарубежные резидентуры, и, естественно, они не могли дать точных сведений о предстоящих планах гитлеровской Германии, хотя отдельные донесения были объективными, но, к сожалению, неполными, требующими дополнений и уточнений.

Вот почему Сталин с недоверием относился к некоторым шифровкам из-за рубежа. Он рассуждал на первый взгляд логично: «Какую агентуру могли на вербовать там разоблаченные враги народа!» Но это был его просчет.

После 22 июня 1941-го события развивались стремительно. Броня, а именно на нее уповали гитлеровские генералы, делала свое дело – противник занимал одну территорию за другой. Мощным поршнем вермахт выдавливал части Красной армии с наших западных территорий. Армия отступала и отступала на Восток, теряя оружие, технику и людей.

Когда видишь на затертых черно-белых кадрах военной хроники уходящие до самого горизонта вереницы наших военнопленных летом и ранней осенью рокового 1941 года, делается не по себе. И сразу же возникает вопрос – как такое могло случиться?

Но оно случилось. Ответы разных направлений и оттенков даны на страницах сотен, а может, уже и тысяч написанных книг. Но неутомимый человеческий разум вместе с памятью все ищет и ищет правду.

Лубянка.

Накануне войны, а точнее за неполные пять месяцев до ее начала – 12 февраля 1941 года на должность начальника 3-го Управления НКО СССР был назначен быстро прошагавший по высоким должностям в военной контрразведке Анатолий Николаевич Михеев – комиссар государственной безопасности 3-го ранга.

Что мы знаем о нем?

После окончания 4-го курса Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева в феврале 1939 года он был отобран кадровиками и направлен на службу в органы военной контрразведки.

Вскоре его назначают начальником Особого отдела НКВД СССР Орловского военного округа. В августе того же года он уже начальник Особого отдела НКВД СССР Киевского особого военного округа.

В августе 1940 года он получает звание майора госбезопасности на должности начальника Особого отдела в Центральном аппарате Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Новый начальник 3-го Управления НКО СССР (бывшая военная контрразведка, переданная из состава НКВД в военное ведомство) был молод, красив (голубоглазый, русоволосый, с тугими скулами и слегка пухлыми губами), грамотен и порядочен. Эти качества отмечали многие сослуживцы Михеева на разных должностях его служебной карьеры. Именно на этом чекистском посту он получает высокое звание комиссара ГБ 3-го ранга. Должность руководителя военной контрразведки он занимает до 19 июля 1941 года.

Надо отметить, что это был период структурной чехарды – вместо 3-го Управления НКО СССР в Центре было образовано Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР. Михеев

просится на фронт. Следует отметить, что на такое решение Анатолия Николаевича подвигли два обстоятельства. Во-первых, новая волна сфабрикованных дел и последующих репрессий 1939–1940 годов против заслуженных командиров РККА, выходцем которой он был (выпускник военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева), и, во-вторых, фальсификация уголовного дела командующего Западным фронтом Павлова, в которую контрразведчик был втянут по указанию замнаркома обороны Льва Мехлиса. Грязным интригам Михеев предпочел передовую – не кабинетную, а фронтовую. Когда он вышел из кабинета «нового Льва» после очередного доклада, измученный смутным неудовлетворением, про себя подумал:

*«Нагловатый, самоуверенный блюдолиз. Замовское кресло его
сработано явно не по меркам головы. С его замашками, я уверен, он еще
пустит немало невинной кровушки в армии».*

Почему-то вспомнились ему и недавние стихи Алексея Суркова:

Подходит страна к исторической дате,
Как к светлому праздничному рубежу.
О Мехлисе, нашем родном кандидате,
Я слово от самого сердца скажу...

В должности главного особиста Михеев прослужил менее года. Но суровое время и Кремль диктовали ему правила репрессивного поведения. При нем тоже проводились аресты генералов РККА. Приведем их хронологию:

генерал-майор С. М. Мищенко арестован 21 апреля;
генерал-майор А. И. Филин – 23 мая;
генерал-майор Э. Г. Шахт – 30 мая;
генерал-лейтенант П. И. Пумпур – 31 мая;
генерал-полковник Г. М. Штерн – 7 июня;
генерал-майор А. Н. Крустиныш – 8 июня;
генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич – 8 июня;
генерал-майор А. А. Левин – 9 июня;
генерал-майор П. П. Юсупов – 17 июня;
генерал-лейтенант П. А. Алексеев – 19 июня, и многих других.

Красная армия, обученная, казалось, идти только вперед, воевать с противником на его территории, с позором катилась назад, оставляя в котлах окружения сотни тысяч военнопленных.

4 июля 1941 года в местечке Довск по распоряжению ЦК арестовали командующего Западным фронтом генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова. Разгромленный фронт Павлов 30 июня сдал генералу Еременко. Но Сталин передумал и через несколько дней назначил новым командующим маршала Тимошенко, а членом Военного совета фронта – генерала Мехлиса. Последнего он кратко проинструктировал: «Разберитесь там, на Западном фронте, соберите Военный совет и решите, кто кроме Павлова виновен в допущенных серьезных ошибках».

Павлов прибыл в Москву по приказу Сталина. Его сразу же вызвал Жуков на формальное собеседование, так как судьба маршала практически уже была решена. Разговор у них состоялся вязкий, тяжелый. После этого Павлова снова отправляют на фронт, якобы для сдачи дел, но по дороге задерживают. Михеев не желает находиться под влиянием жестокого Мехлиса – он мечется, не верит в предательство, тем более в пособничество Павлова фашистам как участника «военного заговора».

6 июля Мехлис отправляет Сталину шифровку:

«Военный Совет фронта решил:

Арестовать бывших – начальника штаба фронта Климовских, заместителя командующего ВВС фронта Таюрского, начальника артиллерии фронта Клича, начальника связи штаба фронта Григорьева, командующего 4-й армией Коробкова».

После получения от Мехлиса решения Военного совета Сталин продиктовал ответ:

«Тимошенко, Мехлису, Пономаренко.

Государственный комитет обороны одобряет ваши мероприятия по аресту Климовских и других и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта».

Михеев пишет рапорт с просьбой направить его на фронт. Рапорту дают ход, назначая его начальником Управления особых отделов НКВД СССР Юго-Западного фронта. С группой оперативников он покидает кабинет на Лубянке и полностью погружается в вопросы отступающего фронта.

Он торопился к новому месту службы. Уже в 4 часа утра машина с Михеевым, которого сопровождали заместитель – капитан Петров, старший оперуполномоченный Белоусов и адъютант лейтенант Пятков, выехала из Москвы в Бровары, небольшое местечко под Киевом, где располагался штаб фронта. Но из-за разбитых дорог контрразведчикам удалось добраться до места назначения только на третьи сутки.

Михеев, как положено в такой ситуации, представился командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу, члену Военного совета М. А. Бурмистенко и начальнику штаба генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву и сообщил о произошедшей реорганизации органов ВКР. Он заверил командующего, что подчиненный ему личный состав сделает все возможное в оказании помощи командирам при решении неотложных задач в сложившейся боевой обстановке.

А тем временем танковые клинья генералов вермахта Гудериана и Клейста, утюжа поля и дороги, неумолимо приближались к столице Украины – Киеву. Опасность захвата города чувствовалась с каждым днем все реальной. Это понимали многие генералы и офицеры. Только Ставка требовала одного – держаться! Но холодная логика Михеева подсказывала – на этом этапе войны не удержать стального зверя. Эти мысли разделял и командующий фронтом. Он больше, чем кто-либо, понимал, что держаться так, как они держатся с оголенными флангами, – значит искусственно создавать себе капкан окружения.

Кирпонос и новый начальник штаба генерал Тупиков не раз докладывали Буденному, Тимошенко о необходимости корректирования задачи Ставки. Но ответ получали отрицательный – держаться!!!

И вот тогда Тупиков отправил в Ставку обстоятельное донесение о положении Юго-Западного фронта. В нем он смело прогнозировал, что если Ставка не разрешит отвести войска, то может случиться катастрофа. И начало ее – дело пары дней. Цена удержания – сотни тысяч погубленных жизней в шнеке мощной гитлеровской машины. Кирпонос не решился подписывать этот документ – побоялся.

И еще одна деталь. Когда донесение было готово, Тупиков показал его Михееву. Через несколько часов пришел ответ Сталина. В нем он упрекал командующего, что его подчиненный представил в Генштаб пораженческое донесение. Он требовал не поддаваться панике, принимать меры, чтобы удерживать занимаемые позиции.

Тупиков показал Михееву ответ Сталина и, глядя ему в лицо, сказал:

– Теперь у вас, как у контрразведчика, есть достаточный повод арестовать меня.

А глаза его говорили: «Если бы мы все здесь не понимали, что я прав».

Внимательно прочитав документ, Михеев ответил:

– Для ареста, уважаемый генерал, необходим не повод, а преступление.

Но здесь не было преступления, а был результат четкого анализа обстановки. И вот когда две танковые дивизии противника в районе Лохвицы и Лубны перерезали последние коммуникации фронта, Ставке наконец стало ясно – фронт в окружении. Последовало запоздалое разрешение на отход, но время было уже упущено – в котле оказались почти все его армии. А 37-я армия, оборонявшая Киев, даже не получила этого приказа – связи с ней уже не было...

После представления командованию фронта Михеев собрал оперативный состав. В своем выступлении он отметил одно из основных требований Государственного комитета обороны к военным контрразведчикам – совместно с командирами и политработниками бороться за поддержание высокого морального и боевого духа.

На второй день после приезда к новому месту службы Михеев, взяв с собой Пяткова и Белоусова, а также старшего оперуполномоченного Горюшко, отправился на позиции одного из подразделений 147-й дивизии – стрелковой роты, в которой после изматывающих отражений десяти вражеских атак осталось всего восемь человек. Этот поступок руководителя КРО фронта можно трактовать по-разному, но лучше послушаем слова самого героя, подтвержденные его подчиненным М. А. Белоусовым: *«А нам это надо было. Особенно мне. Я лично хотел видеть в бою наших красноармейцев, быть с ними рядом и на себе ощутить психологическое состояние человека в момент фашистской атаки. Одновременно я хотел ознакомиться с условиями работы наших оперативников на передовой».*

Именно в этой обстановке он почувствовал всю реальную опасность немецкого нашествия на Родину. Беседуя в окопе с молоденьким офицером-пехотинцем, он был поражен тому, как в этом тонкошеем пареньке мог появиться заряд мужества и силы воли.

«Нет, с такими парнями, как он, мы не проиграем войну, – подумал Анатолий Николаевич. – Хотя впереди много неизвестного. Враг силен, его военная машина только набирает обороты».

По возвращении на КП на комиссара госбезопасности неожиданно нахлынули воспоминания... В памяти то и дело лоскутами всплывали эпизоды из его неуютного детства, скрашенного лишь прелестями таежного леса на родной Архангельщине. Милая станция Пермилово Северной железной дороги напомнила из далекого далека чем-то теплым, приятным. Вспомнилось, как плели с бабушкой корзины из ошкуренных лозовых прутьев, как он срезал кожицу, обнажая волглую белизну прута лозины, и подавал мастерице... Ранняя смерть отца. Не окончив школу, в шестнадцать лет пришлось пойти в рабочие на лесозавод, а через два года призывали в армию...

Но вот взорвался неподалеку снаряд, и воспоминания разлетелись, как неприятельские осколки. Суровая реальность заставила думать и действовать по обстановке. Видя сплошное отступление наших войск, Михеев поставил военным контрразведчикам задачу помочь командованию в наведении порядка в прифронтовой полосе и по-умному распорядиться личным составом, выходящим из окружения. На месте сбора массы солдат и офицеров быстро формировались небольшие отряды по несколько десятков человек и направлялись на опасные участки фронта. С передовой текли потоки раненых: пешком, на повозках и автомашинах. В этот же период военные контрразведчики не только боролись с агентурой абвера, паникерами, беглецами, вынашивающими изменнические настроения, но и активно помогали командованию и местным властям в эвакуационных мероприятиях и переправах через Днепр.

Михееву доложили о сбитом вражеском самолете и захвате немецкого военнослужащего. Им оказался старший офицер штаба группы армий (ШГА) «Юг» Хозер, перелетавший в ШГА «Север» с секретными документами по планированию дальнейшего развертывания наступления на Киев. В ходе обстоятельной беседы с пленным чекист получил важные сведения,

которые тут же были доложены командующему фронтом генералу Кирпоносу. По его приказу срочно сформированный отряд, основу которого составляла бригада полковника А. И. Родимцева, не только отбил наступление немцев в направлении Совки, но и разгромил их большую часть. В этом бою был тяжело ранен заместитель Михеева Петров, а старший уполномоченный Горюшко положил из пулемета не один десяток фрицев. Допрошенные немецкие офицеры показали, что Гитлер приказал взять Киев не позже 10 августа.

21 августа немцы начали новое мощное наступление. Сообразуясь с обстановкой Штаб, Военный совет и Особый отдел фронта переместились в район Прилуки...

В Прилуках Особый отдел фронта располагался в нескольких домах на Радянской улице. В угловом кирпичном флигеле, занятом Михеевым и его замом Якунчиковым, шла напряженная работа. Оперативная работа оттеснялась чисто боевой – силой обстоятельств контрразведчики превращались в пехотинцев, артиллеристов, пулеметчиков...

А до Прилук командование фронта переправлялось на автомашинах на левый берег Днепра. Михеев ехал на одной машине с командующим. Было предательски тихо, клонило ко сну.

Вот как описан этот эпизод Юрием Семеновым в книге «Комиссар госбезопасности»:

«Анатолий Николаевич то и дело потирал ладонями лицо, чтобы не задремать. Он видел, как Кирпонос опустил фуражку на лоб, склонил голову и вроде бы уснул. «Ему и вовсе только в пути передышка», – посочувствовал Михеев и стал размышлять о предстоящих делах: вспомнил разведчиков, находящихся в тылу врага, Антона Сухаря, который сейчас ждет или уже получил сброшенную с воздуха взрывчатку от «хозяина» гитлеровской агентуры.

Вдруг сильный тупой удар с ходу остановил и развернул машину. Анатолий Николаевич ничего не успел сообразить, ударившись грудью о переднее сиденье, потом услышал голос Кирпоноса.

– Фу ты!.. Опять эта нога... – процедил сквозь зубы генерал.

Ему помогли выйти из «эмки», ударившейся о затормозивший грузовик. Морщась, Кирпонос опустился на приступку, с досадой сказал:

– Этого еще не хватало, черт побери!.. Костыли-то мне теперь совсем нехватают. Вот незадача! – он ощупывал и поглаживал ногу пониже колена».

---

* * *

В Особый отдел фронта в Прилуках приходили с докладами особисты, вышедшие из окружения. В один из сентябрьских дней дверь открыл изможденный заместитель начальника Особого отдела 6-й армии Михаил Степанович Пригода.

– Садись! – указал на стул Михеев. – С документами вышел, разумеется?

– Как же я мог их бросить? – вопросом на вопрос ответил Пригода.

– Рассказывай... доложи обстановку...

Он стал короткими фразами обрисовывать то, что ему довелось увидеть и услышать. Потом доложил письменно. Этот документ интересен прежде всего фронтовой суровостью первых месяцев войны и своей объективностью. К сожалению, сегодня молодому поколению некоторые СМИ рисуют работу военных контрразведчиков в боевой обстановке в искаженном виде. Но это их грех!

Начальнику особого отдела Юго-Западного фронта
комиссару госбезопасности 3-го ранга
тов. МИХЕЕВУ А.Н.

РАПОРТ

В середине июля части 6-й армии Юго-Западного фронта после шестидневных упорных боев в районе Бердичева, где на ряде участков нашими частями наносились мощные контрудары, вынуждены были отойти в юго-западном направлении.

По данным разведки и показаниям пленных было известно, что против измотанных тяжелыми боями частей армии действуют четыре дивизии противника: две танковые и две моторизованные. Враг наступал при абсолютном превосходстве в авиации.

Разрыв между нашими частями и соседями увеличивался, пополнение не получали, ощущали острую нужду в боеприпасах, особенно в артиллерийских снарядах, участились случаи потери связи и управления войсками.

В этой обстановке стали поступать данные, что танковые части и мотопехота противника обтекают наши фланги. Штаб 6-й армии с несколькими подразделениями стоял в селе Подвысокое, что в 50 километрах юго-восточнее Умани. Здесь мы оказались в полном окружении.

9 августа приказом командующего армией был сформирован прорывной отряд. В него вошли: третья противотанковая бригада, разумеется, неполного состава; небольшая сводная танковая группа; батальон охраны штаба армии; рота особого отдела и рота командного состава штаба, в число которой влились 23 чекиста во главе с бригадным комиссаром Моклецовым, образовавших вместе с работниками военной прокуратуры взвод. Группа во главе с командующим 6-й армией генерал-лейтенантом Музыченко и членом Военного совета дивизионным комиссаром Поповым в ночь на 10 августа пошла на прорыв вражеского окружения.

На командном пункте в селе Подвысокое остались офицеры штаба и политотдела армии. Там же находился и я, заместитель начальника особого отдела, с группой чекистов.

Командный пункт должен был руководить частями, занимающими оборону, поддерживать связь со штабом фронта, а когда группа генерал-лейтенанта Музыченко прорвется, то по сигналу следовать за ней. Однако сигнала от командующего не поступило, связи с ним установить не удалось.

Утром 10 августа командный пункт подвергся сильному минометно-артиллерийскому обстрелу и бомбардировке. На юго-восточную окраину Подвысокого прорвалось около двух батальонов пехоты противника с тремя танками. Оборонявшие окраину подразделения после продолжительного и тяжелого боя отступили в село.

Начальник штаба дважды посылал группы командиров для выяснения местонахождения и положения отряда командующего армией. Первая группа не возвратилась. Вторая доложила, что отряд тов. Музыченко, по-видимому, прорвался и форсировал реку Сенюха.

К тому времени северо-восточная часть села Подвысокое уже была занята пехотой противника. В этой обстановке приняли решение продержаться в Подвысоком до наступления темноты, а потом идти на прорыв.

Бросок по лесу под огнем противника удался. Но, проникнув в лес, мы поняли, что он также окружен и обстреливается со всех сторон из пулеметов и автоматов. Ночью перестрелка несколько утихла, и нам удалось

просочиться в поле. К рассвету следующего дня, установив, что вокруг большая концентрация войск противника, мы, слабо вооруженные, разбились на небольшие группы и решили просачиваться к линии фронта.

Пятнадцать суток наша группа, состоящая из шести человек, шла по оккупированной врагом территории к Днепру, на левом берегу которого части Красной армии занимали оборону. Мы двигались в основном ночью, обходили населенные пункты, если предварительной разведкой устанавливали нахождение в них вражеских частей. В деревне Тубельцы крестьянин Байбуз в ночь на 26 августа провел нас плавнями к Днепру, обойдя немецких часовых и патрулей. На берегу нами был выкопан сигнальный столб, на котором наша группа переплыла реку на участок обороны 2-го стрелкового полка 264-й стрелковой дивизии. Из штаба дивизии мы направились в штаб 26-й армии в Золотоношу, а оттуда – в штаб Юго-Западного фронта в Прилуки.

Все документы особого отдела 6-й армии в период боев и окружения сожжены. Судьба группы прорыва, возглавляемой командующим 6-й армией генерал-лейтенантом Музыченко, мне неизвестна.

*Зам. начальника особого отдела НКВД 6-й армии
старший батальонный комиссар М. ПРИГОДА,
г. Прилуки, 01.09.1941 г.»*

На другой день Кирпонос пожелал встретиться с особистом из 6-й армии. Михеев и Пригода вместе оказались в кабинете командующего фронтом. Генерала интересовал широкий спектр вопросов: о боевых действиях армии в окружении, о немецких листовках с компроматом на Музыченко, о настроении мирного населения. Он тут же заявил чекистам, что Музыченко попал в плен. А на его место назначен генерал Малиновский.

Но 14 сентября после соединения немецких танковых частей у станции Ромадан эта группа управления попала в окружение. 19 сентября по приказу Ставки советские части оставили столицу Украины, которую мужественно защищали 71 день, сковывая у стен ее крупные силы врага. Положение с каждым днем катастрофически ухудшалось. На левом фланге Юго-Западного фронта прорвались танковые дивизии генерала Клейста. С севера поджимал танковый стратег Гудериан.

В этой обстановке Михеев приказал срочно уничтожить все документы особого отдела фронта и создать три боевые группы из военных контрразведчиков. Из трубы повалил густой дым, сразу же привлечший внимание фашистских летчиков. Несколько самолетов прошло вдоль Радянской улицы, полоснув из пулеметов по окнам домов и разбежавшимся прохожим.

– Итак, первая группа, – ровным голосом без лишнего волнения обратился Анатолий Николаевич к своим коллегам, – остается и действует вместе с Военным советом, вторая – со штабом фронта, а третья – это вспомогательная. Уходить будем на Пирятин.

После обсуждения этого плана руководители приняли решение отойти в район Городище, переправиться через реку Многа, а далее прорываться к своим. Сначала был создан отряд прорыва под руководством полковника Рогатина. Ему удалось вырваться из окружения и, переправившись через реку Псел у хутора Млыны, выйти в расположение 5-го кавалерийского корпуса.

Военный совет и штаб фронта с группой сотрудников особого отдела, курсантов школы НКВД и бойцов охраны штаба готовились пройти рогатинским путем...

– Рама, рама, – закричал кто-то из офицеров.

– Это разведывательный самолет. Нас непременно засекут, а может, уже засекли? – высказался генерал Потапов. И он был прав – войско почти в 800 человек немцы не могли не заметить. На следующий день 20 сентября по приказу Кирпоноса руководство фронтом укрылось в урочище Шумейково. Через некоторое время немцы, окружив, открыли ураганный огонь.

Автору этих строк, удалось побывать в урочище и живо представить, в какой западне оказались наши воины.

И, несмотря на тяжелое положение, офицеры штаба и военные контрразведчики – Михеев, Пятков, Горюшко, Белоцерковский, перегруппировавшись, повели в атаку своих бойцов. Но силы были неравные. Сразу же погиб Горюшко, тяжело раненый Пятков, дабы не попасть в лапы фашистов, застрелился... В атаку с целью прорыва бойцов поднимали в атаку генералы Кирпонос, Тупиков, Потапов, дивизионные комиссары Рыков и Никишов...

Урочище Шумейково, где находился раненый командующий, обстреливали с какой-то садистской яростью – видно, знали, кто там, на дне этой огромной ямы. Кирпонос, раненый в ногу, сидел у криницы. Ему дали попить. Кроме пулеметных и автоматных очередей стали стрелять минометы. Одна из мин разорвалась рядом с командующим. Один из осколков пробил каску с левой стороны головы, но его рука вдруг дернулась к груди – второй осколок угодил прямо под сердце. К нему подбежали офицеры. Михаил Петрович еще дышал. Он умер тихо, без тяжелого вздоха.

Со слов Юрия Семенова тело командующего фронтом перенесли чуть ниже, к ложине. Тут же вырыли неглубокую могилу. Прощание было коротким, молчаливым. Моложавый майор из штаба фронта и двое раненых бойцов застыли в нерешительности, будто бы не зная, как положить убитого. И тогда майор снял с груди генерал-полковника Кирпоноса Золотую Звезду Героя, орден Ленина и медаль «XX лет РККА», достал из кармана партийный билет и удостоверение личности, фотографию семьи положил обратно...

А вот пояснение Владислава Крамара («Независимое военное обозрение» № 32 от 27.08.2004 г.):

– Единственным оставшимся в живых свидетелем гибели генерала Кирпоноса был его порученец Военного совета старший политрук Жадовский... С его слов, чтобы немцы не установили факт гибели командующего фронтом, перед тем как захоронить тело, офицеры сняли с него драповую шинель, срезали с кителя петлицы со знаками различия, сняли звезду Героя Советского Союза, вынули из кармана документы, расческу, платок и письма.

В октябре 1943 года, через месяц после освобождения Сенчанского района, Жадовский по заданию Генштаба принял участие в работе специальной комиссии по установлению местонахождения останков генерала Кирпоноса... В акте судебно-медицинской экспертизы указано, что «покойному при жизни были нанесены осколочные огнестрельные ранения в области головы, грудной клетки и левой голени», что исключает версию самоубийства...

Ночью две небольшие группы Тупикова и Михеева, не теряя надежды на прорыв, выбрались из урочища. Первая группа сразу же попала в засаду – генерал погиб в перестрелке. Группа Михеева (он был ранен в ногу), в которую входили его заместитель Якунчиков, член Военного совета 5-й армии дивизионный комиссар Никишов, начальник особого отдела одной из дивизий этой армии старший лейтенант госбезопасности Стороженко и трое красноармейцев из взвода охраны, направилась на восток. Шли очень медленно. Утром 23 сентября вышли на околицу села Исковцы Сенчанского района. Решили дождаться вечера в стогах сена. Но немцам стала известна эта маскировка. Они бросили танки на практически безоружных, уставших людей и стали утюжить стога, где отдыхали после тяжелого пути наши воины. Михеев, у которого в кожаной тужурке лежала последняя граната, побежал с боевыми друзьями в сторону глубокого оврага у села Жданы. Но добежать они не успели. У самого края обрыва их настигли гусеницы бронированного чудовища...

По имеющимся данным, комиссар госбезопасности 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев даже мертвый сжимал в руке маузер, в котором был пустой магазин. Гранаты тоже не оказалось в кармане. По всей вероятности, он ее использовал против надвигающегося танка...

Сегодня военные контрразведчики ходатайствуют перед верховными властями о присвоении А. Н. Михееву звания Героя России – посмертно.

Автор, как уже говорилось выше, побывал с коллегами в урочище Шумейково. Это случилось 2 июня 1993 года. Рядом с памятным местом обелиск советскому солдату с винтовкой и примкнутым штыком. Он скромный, потому величав. Когда подошли к обелиску, разразилась гроза, неожиданно пролился ливень, словно оплакивая павших воинов, и так же неожиданно затих. Мы спустились к кринице, из которой пили в 1941 году военные и чекисты. Мы тоже попробовали ломкую от холода родниковую воду. А потом выпили положенные ритуально сто грамм.

Новый начальник ВКР

Военные контрразведчики из 3-го Управления НКО были возвращены в НКВД СССР 17 июля, став по-прежнему Управлением особых отделов. После отъезда 18 июля 1941 года на фронт и гибели в сентябре того же года своего предшественника новому начальнику Управления особых отделов НКВД СССР в ранге заместителя наркома внутренних дел СССР Виктору Семеновичу Абакумову пришлось нелегко. На его плечи свалился весь груз не решенных прежним руководством проблем. Надо отметить, что с началом войны многие структурные звенья власти запаниковали. Посыпались грозные рескрипты всякого рода директив, постановлений, указаний, приказов. Во всех этих документах красной нитью проходили требования об усилении борьбы с немецкими шпионами, диверсантами, террористами, а также борьбы с изменой Родине, дезертирством, паникерами, провокаторами и распространителями слухов. О других проблемах – нечего и говорить. Время требовало сил, ума и быстрой реакции на события. Они накатывались с каждым днем, с каждым часом все новыми и новыми устрашающими обстоятельствами – немец приближался к столице. В июле-сентябре Красная армия, неся большие потери, продолжала отходить вглубь страны. В Москве еще до выхода постановления ГКО от 4 июля 1941 года «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» такие дивизии стали стихийно формироваться. Всего было сформировано 17 дивизий, в том числе пять из них уже в ходе Битвы за Москву.

Абакумов держал, как говорится, руку на пульсе сражений Красной армии с вторгшимся противником. К нему в кабинет на четвертом этаже дома № 2 на Лубянке стекалась вся оперативная информация из управлений особых отделов фронтов и армий.

Кстати, еще до назначения руководителем военной контрразведки 9 июля 1941 года ему было присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

Высокий, красивый, подтянутый, всегда наглаженный с подогнанным по спортивной фигуре обмундированием, благоухающий модными одеколонами, Абакумов успокаивающе действовал на подчиненных. Всем своим видом, своей подтянутостью он словно говорил – ничего страшного, мы победим, и не такое на Руси бывало. И все же, принимая должность, он почему-то вспомнил о судьбах своих предшественников: *«Да, она, эта должность, всегда была расстрельной. С пулями в затылке отправлены к праотцам многие ее руководители – Марк Гай, Израиль Леплевский, Николай Николаев-Журид, Леонид Заковский, Николай Федоров. Кто очередной? Может, я? Нет, этого не должно произойти, пробьюсь, не дам повода!»*

На второй день после назначения, 20 июля 1941 года, он обошел свои владения – секретариат, отделы и службы. Женский персонал – секретари-машинистки были без ума от нового начальника. Он же называл их красавицами, неоднократно подчеркивая, что красивые женщины созданы для того, чтобы нравиться мужчинам.

Но Виктор Семенович понимал, красоваться не время, идет кровопролитная война с ежедневным отступлением наших войск и сотысячными потерями. Немец стремительно приближался к Москве. У него была жива память о коллегах, срочно отправленных из центрального аппарата НКВД и НКГБ на фронт.

«Вернутся ли они когда-нибудь сюда? – размышлял Абакумов. – Хотелось бы верить. Они на передовой, а я вот здесь, на Лубянке, протираю штаны в кабинетном кресле. Но кому-то надо быть и в Москве. Михеев мне открыл дорогу в военную контрразведку. Думаю, справлюсь...»

Сходное чувство совсем не квасного патриотизма, наверное, испытывали и другие оперативные сотрудники Центра.

В этот же день указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года НКВД СССР и НКГБ СССР были вновь объединены в единый наркомат – НКВД СССР во главе с Л. П. Берией. Первым заместителем наркома был вновь назначен В. Н. Меркулов, грамотный

руководитель, длительное время проработавший с наркомом в Закавказье. В свободное время он пописывал. Надо признать, из-под его пера выходили достойные пьесы, а некоторые даже шли в театрах. Не это ли свидетельство высокого уровня творчества?.. Но с началом войны требовалось другое творчество – оперативное.

Постановлением СНК СССР от 30 июля 1941 года заместителями наркома внутренних дел СССР были назначены: С. Н. Круглов, В. С. Абакумов, И. А. Серов, Б. З. Кобулов, В. В. Чернышев, И. И. Масленников, А. П. Завенягин, Л. Б. Сафразьян и Б. П. Обручников.

Думается, читатель уже обратил внимание на очередность в списке заместителей. Первой перед Абакумовым значилась фамилия Круглова, а следующей после Виктора Семеновича – фамилия Серова. Пока они не более чем коллеги, но пройдет некоторое время, и заместители станут враждовать между собой, превратятся в лютых врагов. Они будут писать доносы друг на друга, уличать в нескромности, стяжательстве и даже в совершении государственных преступлений на фоне очередных вспышек нелояльности к ним вождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.